

И вот в 20-м веке у человека проснулось желание властвовать над своей природой. Медицина, педагогика и психология уже многое изменили в жизни людей, а развитие генной инженерии, био- и нанотехнологий теоретически позволяют управлять развитием как отдельного человека, так и больших человеческих сообществ.

Отдельного разговора заслуживают так называемые high hume технологии. В отличие от психологии, которая в первую очередь была наукой, high hume ориентируется, прежде всего, на результат – психология стала технологией. НЛП, психоанализ (в своем практическом ключе), PR и маркетинг – все это психотехнологии, позволяющие управлять людьми. Причем, что важно, при одновременном использовании, результат их воздействия может передаваться следующему поколению. Например, лояльность бренду, будучи закрепленной у родителей, с ослабеванием, но все же передается детям: Coca-Cola, Дисней, Макдональдс – яркие свидетельства возможности психотехнологий влиять на социальную эволюцию групп людей.

Очевидно, что психотехнологии могут использоваться для управления другими людьми, либо для регулирования собственного поведения. Так маркетинг и PR используется для первого, а НЛП – для второго.

В большей же степени нас интересует возможность высоких гуманитарных технологий влиять на биологическую эволюцию. Влияние генной инженерии и биотехнологий достаточно очевидно, и многими уже предсказывалось. Далее же мы рассмотрим возможное влияние других: информационно-коммуникационных технологий, nano- и психотехнологий.

Информационные технологии, что очевидно, а в перспективе и неизбежно позволяют избавить интеллект человека от элементарных мысленных операций – поиск информации, вычисления, трансляция информации и ускорение самоорганизации субъектов для какой-либо деятельности. Эксперименты профессора К. Уорвика позволяют предположить, что электронные сети и искусственный интеллект в достаточно близком будущем окажутся способны взять на себя достаточно широкий спектр операций с информацией, и не только рутинных.

Такой прогресс будет иметь как минимум два последствия.

Перманентные каналы коммуникации еще больше уменьшат анонимность и автономность отдельного человека, что в свою очередь означает высокую готовность нервной системы – человек должен быть способен в любой момент времени оперировать информацией. Таким образом трудно ожидать, что нагрузка на нервную систему отдельного человека снизится, что в эволюционном плане означает неизбежность дальнейшего развития нервной системы.

Передача многих интеллектуальных функций машинам означает увеличение удельного веса творческих и нетривиальных действий в работе человека. Очевидно, что с эволюционной точки зрения это означает дальнейшее развитие людей в русле творчества и нелинейного мышления. Также очевидно, что индивиды, не обладающие навыками творчества, окажутся исключенными из наиболее развитых сфер культуры в ее широком понимании.

Рассмотрим теперь влияние психотехнологий. Повышение продуктивности и креативности человека при использовании психологических технологий достаточно очевидно уже сейчас. На наш взгляд дальнейшее развитие психотехнологий колоссально увеличит возможность отдельного человека к познанию и изменению самого себя:

своих глубинных мотивов, доступа к глубинным ресурсам психики и организма, контроль разума над физическим телом.

Влияние данной области технологий трудно переоценить. Возможность регулирования физиологии и глубинной психики (например, на уровне рефлексов) открывает путь к увеличению длительности жизни и самых разнообразных способностей (к обучению, выносливости, реакции и т.д.). Психологию такого «унтерменша» и сверхчеловека сегодня представить сложно, однако, очевидно, что она будет серьезно отличаться от психологии «обычных», не овладевших психотехнологиями людей.

Увеличение длительности жизни негативно скажется на изменчивости и приспособляемости таких людей, обусловленных генами, однако такое снижение вполне может быть компенсировано увеличением аналогичных характеристик за счет ресурсов психики.

Развитие нанотехнологий позволит проводить «ремонт» человеческого тела на уровне отдельных клеток и тканей по мере надобности. Это в свою очередь может увеличить продолжительность жизни отдельного индивида в разы и на порядки. Что в свою очередь ведет к колоссальному замедлению эволюционного процесса. Все это так, если бы не одно но.

Одним из главных результатов появления нанотехнологий при достаточном уровне развития технологий психологических, может стать возможность управления отдельным человеком своим генным набором и фенотипом, не говоря уже о лечении физических болезней. Теоретически наномашинки могут ремонтировать ДНК и трансформировать их. Тогда можно предположить, что при некоторых условиях сознание человека сможет контролировать данный процесс. А это автоматически снимает с повестки дня вопрос об эволюции человека, видовой изменчивости, виде вообще.

Мы видим, что развитие любой из названных технологий в достаточной мере, может серьезно изменить процесс эволюции человека даже по сравнению с эволюцией во времена индустриальной системы. Однако названные технологии развиваются параллельно, и достаточно скоро количество новшеств перекроит как отдельного человека (независимо получит ли он доступ к данным технологиям, или нет), человеческий вид, и цивилизацию.

А.Ю. Крамер (Новосибирск)

Заметки о здоровом и нездоровом

1. Я чувствую себя здоровым или больным, выздоравливающим или заболевающим, – во всех случаях я чувствую себя. *Аз есмь здоров.* Мое состояние в данный момент (я не знаю, почувствую ли недомогание в следующий момент) обладает определенным комплексом качеств, делающим возможным... что? Состояние особого качества, состояние *сущностное* (быть здоровым); его качество свидетельствует: имеется комплекс условий для признания возможности определенных действий вероятной практически.

Вообще, говоря о «здоровье», мы имеем в виду очень разное. Говорим о «здоровом смысле», понимая его как некую практическую целесообразность, лежащую в основе суждения, – это суждение касается того, что *в принципе* может быть осуществлено как проект мысли, у которой есть цель. Здесь же – «здоровое суждение», суждение *трево-*

Крамер А.Ю. Заметки о здоровом и нездоровом // Антропологические основания биоэтики: тезисы всероссийской научной конференции 11-14.10.2006. Томск: СибГМУ, 2006, с.75-78

го разума, бесстрастного и беспристрастного, способного эмпирически выдвигать условия и оценивать соответствия. Разума рационального, «здравомыслящего», способного увязывать смыслы и контексты сообразно практической цели; разума логически, системно организованного. Мы говорим о «здоровом обществе», понимая это как свойство некоторой социальной общности ставить и достигать рационально постижимые и эмпирически достижимые вероятные цели.

Даже не рассматривая иных возможных употреблений слова «здоровый»¹, видим, что «здоровье» – понятие, которое (а) о бытии специфически человеческом, (б) фиксирует сущностное состояние, которое выступает условием возможному стать вероятным и действительным и (в) увязывает цель и возможность действия через комплекс эмпирически устанавливаемых соответствий данным теоретическим условиям перехода возможного в действительное. В этом плане *здоровый* есть «фундаментальный символ» (Гуваков, 1991) основного условия сущностной связи «я» и «мозгу».

2. Первоочевидность – «я» (все, что во мне происходит, с очевидностью происходит во мне). Я здоров, значит ли это, что здоровье есть во мне? Насколько самоочевидно знание того, что я здоров? Но вот, например, боль. Она всегда неожиданна, она с очевидностью – моя, и ничья другая. Боль сущностно сращена с тем, что есть «я», боль испытывается, она способна захватить все мое существо; она вызывает специфическое переживание (страдание), которое, в духе Рикёра, можно обозначить «чистым потоком чувственности».

По меткому выражению семиолога Т.Григорьевой, боль «прикалывает смысл к телу». Смысл в этом случае неотличим от первоочевидности «я», но когда болит не тело (а мы способны к такому различению) – мы имеем первую и единственную сущностную неочевидность и, прежде всего, первый концепт: граница. Граница тела.

«Концепт..., в отличие от понятия, не только мыслится, но переживается, вызывая у человека определенные эмоции. Он может существовать в латентном виде, т.е. в форме образа и по отношению к понятию – прогенетичен» (Ковалина, 2006).

Страдание становится за-границным телу, когда боль есть, но точно ответить «что и где болит» невозможно. В такой ситуации *posce te ipsum* требует подпорки, ибо неразличима боль «не локализованная» и боль «душевная». Для подобных состояний существуют в медицине разделы психиатрии и психосоматики, однако требование объективности² не дает ни единого критерия достоверности какого-либо различения. Проще и практичнее заподозрить симуляцию, почти в духе Бодрийяра:

«Is the simulator sick or not, given that he produces «true» symptoms? Objectively one cannot treat him as being either ill or not ill. Psychology and medicine stop at this point, forestalled by the illness's henceforth undiscoverable truth. For if any symptom can be «produced», and can no longer be taken as a fact of nature, then every illness can be considered as simulatable and simulated, and medicine loses its meaning since it only knows how to treat «real» illnesses according to their objective causes» (Baudrillard, 1994).

3. Болезнь всегда или почти всегда связывают с болью, со страданием, а за-границность телу придает страданию сущностно иррациональный характер. Говоря о смысловой оппозиции «болезнь – здоровье», мы попадаем в своеобразный логический капкан: состояние здоровья (точнее, содержание этого понятия) оказывается в проти-

воречии к состоянию болезни (точнее, концепту). В оппозиции оказываются рациональное и иррациональное.

В отношении «болезни» и разных форм «не-здоровья» язык фиксирует отрицание правильности (рациональности) «состояния вещей»: нездоровый – значит бессистемный, не(вне?)рациональный. Более того: в контексте культуры *быть здоровым* означает быть здоровым относительно какой-то болезни или форм «нездоровья»³. В этом смысле «не-здоровье» есть рационализация иррациональных выражений тех переживаний, которые составляют концепт «болезни». Эти обращения рационализируются в символы, смыслы которых, в силу сущностного содержания, мыслятся как «здоровые образы жизни».

«На место предмета как системы связей [например, жизни, - А.К.] становится квазипредмет [болезнь, - А.К.], где проявление действия этих связей привязано к какой-либо субстанции, конечной и нерасчленимой [например, боли, - А.К.], и который, следовательно, восполняет их в системе в зависимости от «свойств» такой субстанции. Или, скажем иначе, он восполняет в ее материале... отсутствующие, выпавшие и не наблюдаемые связи и, тем самым, заполняет «дыры целого», восполняя его до системной полноты» (Мамардашвили, 1992).

4. Сущностный характер состояния боли в ее первичной самоочевидности фактически задает соразмерность – боль и болезнь соразмерны специфически человеческому. Образ врача соразмерен образу болезни. Здоровье и его образы вторично соразмерны как образу болезни, так и образу врача. На уровне концепта – как образно-эмоциональный *сгусток*, образ здоровья – как образ «здоровой жизни», в силу его эмотивности приобретает прагматический ценностный смысл.

«Понятие «смысла» обозначает оценивающие и побуждающие эмоциональные переживания <...> эмоционально-оценочное отражение организовано по принципу соотношения предикатов «норма – не норма (отклонение от нормы)»... Сталкиваясь с сущим, эмоция моментально информирует субъекта о ценностном состоянии среды...» (Видгоф, 2001)

5. Полагая состояние «единством поведения и переживания» (Прохоров, 2004), с учетом известного определения ценности как единства нормы и идеала, припомним высказывание З.Фрейда о цели психотерапии «заменить чрезмерные мучения *невротика* нормальными страданиями повседневной жизни». Здоровье – ценно, страдание – нормально: налицо подмена, проще описать болезнь в рациональном формате противоречия определенной (чаще всего социальной⁴) нормативности.

«A disease is an illness only if it is serious enough to be incapacitating, and therefore is

(1) undesirable for its bearer

(2) a title to special treatment, and

(3) a valid excuse for normally criticizable behavior» (Boorse, 1982).

В любой культуре существуют стандарты «здорового» внешнего вида, «здорового» поведения и т.п. – точно так же, как нормальная анатомия и нормальная физиология (в дальнейшем со связками с анатомией и физиологией патологическими) нормальны соразмерно культурным *arproi*. Болезни или болезненные состояния так же считаются неправильными или потенциально опасными (т.наз. «группы риска») – в контексте культурных нормативов.

Примечания

1. Также: «здоровый дух» (в здоровом теле), «здоровая нация» (семья), «за здорово живешь», «здоровая пища», «здоровый парень», «здоров на выдумку» и т.д. Также «здоровье» связывается с понятиями «успех», «личностный рост», «экология», «психологическая саморегуляция», «здоровьесберегающие пространства» и т.п.
2. Здоровье фиксируется как «отсутствие объективных функциональных нарушений», напр., (Лукин, 2003).
3. В сферу заботы о здоровье (у россиян) попадают: «не пить и не курить», «сразу же к врачу», «правильное питание», «полноценный отдых», «физкультура и спорт», «информация о здоровье».
(<http://www.wciom.ru/?pt=51&article=3046>, ВЦИОМ, 21 августа 2006).
4. Ср. «the connection between illness and diminished responsibility has often been argued» (Boorse, 1982) и «...определение душевной болезни для практических потребностей совершается по признакам социальным, а не медицинским» (Блейлер, 1921/1993).

Литература

- Блейлер, 1921/1993 – Э.Блейлер, Руководство по психиатрии, 1921, репринт М., 1993.
Видгоф, 2001 – В.М. Видгоф, Целостная модель человеческой эмоциональности // Бюллетень оперативной научной информации ТГУ, № 6 – 2001, Томск.
Гуваков, 1991 – В.И.Гуваков, Здоровоохранительная деятельность: социокультурные и методологические проблемы, автореф. докт. филос.н., Новосибирск
Ковелина, 2006 – Ковелина Т.А. Образ врача в культуре, автореф. докт. филос.н., Ростов-на-Дону
Лукин, 2003 – Лукин Ю.А. Философский анализ феноменов и категорий «здоровья/болезнь», автореф. к. филос.н., Кемерово
Мамардашвили, 1992 – М.К.Мамардашвили Превращенные формы: о необходимости иррациональных выражений // «Как я понимаю философию», М.
Прохоров, 2004 – А.О.Прохоров, Определение понятия «психическое состояние» // Психология состояний, СПб.
Baudrillard, 1994 – J. Baudrillard, Simulacra and simulation, Michigan.
Boorse, 1982 – Ch.Boorse, On the distinction between disease and illness // Medicine and moral philosophy, Princeton.

В.И. Красиков (Кемерово)

Маета – маятник между тоской и отчаянием

Становление универсализующей функции языка, появление в нем слов с внутренней смысловой полифонией – свидетельство его зрелости для произрастания самобытных философских смыслов. Пример такого слова – маета. Подслупные его смыслы понятны каждому – «терпеть, томиться, мучиться». Маета выражает страдательную характеристику сознания, поставленного окружающим в некоторые тягостные, ограничивающие условия, не дающие раскрыться, обрести счастье и радость. Переживание ограничения со стороны внешних обстоятельств, переживание собственной слабости, неудовлетворенности собой и все это в контексте необходимости постоянного возобновления жизненных усилий, попыток изменить заданность – это и есть маета.

Универсальность маеты в том, что она присутствует у всех людей, хотя и в разной степени интенсивности, и во всех возрастах сознания. Это общее переживание, имеющее многие формы выражения, их экзистенциальную гамму. Равно маета имеет и градации зрелости в степени ее осознанности, соответствующей возрасту и зрелости сознания: от простейших, нерелексивных, детских и подростковых стадий – до концептов «скуки бытия», «мужества быть», «отчаяния», «заботы» и пр.

Подоплека маеты, таким образом, в переживании-осознавании контраста между нашими мечтами, надеждами, проецирующими нас в неопределенность лучшего будущего, небольшими жизненными периодами воодушевления, случающихся радости, успеха, наполненными острыми чувственными удовольствиями и львиной долей времени

повседневного выполнения социальных обязательств, функционирования, обычного временипрепровождения.

Наше существование соразмерено непрерывной возобновляемостью двухтактных процессов «туда-сюда»: бодрствование – сон; подъем – спад; насыщение – голод; удовольствие – страдание; усилие – релаксация; интерес – апатия; надежда – отчаяние и пр. Смутные интуиции, наития, равно как и осознания пределов: социально-антропологической заданности и трансцендентной бесцельности экзистенциальной колебательности нашего маятника существования и порождают маету. Не берусь судить о лингвистической связи между словами «маятник» и «маета» (но «маяться»), но глубокая смысловая связь налицо. Маятник – одно из величайших изобретений человечества, благодаря которому оно научилось чувственно-образно уместить смысл, логику собственных временности и временения. Во-первых, пределы всегда для себя неповторимо-качественного существования, и, во-вторых, его квантование в количественно-одинаковых (тактовых) пропорциях. Культурными артефактами маятника стали в первом случае философия, во втором – часы, между которыми всегда есть интимнейшая метафизическая взаимосвязь «бытия» и «времени».

Маета есть чувство отсутствия, утраты главного. Ощущение бесперспективности, то есть отсутствия чего-то из ряда вон выходящего, выходящего за пределы повседневности, круга земного бытия. Метафизичность маеты в том, что она есть выражение ясного самоотчета сознания в своих пределах. Перспективы есть, но они естественны, прозаичны, имеют четкие пределы: успеха, карьеры, славы, радости, наслаждения (исчислено, определено и найдено легким, несоразмерным надеждам и чаяниям). Маета выражает замкнутость, закупоренность нашего бытия, что становится по-настоящему явственным лишь в зрелом возрасте. Она лейтмотив запертости сознания в телесном футляре и социальном коконе. Сознание пытается вырваться за эти пределы: религии, идеологии, философии. Очароваться, соткать вокруг себя иную, идеалистическую действительность.

Парадокс маеты в том, что это чувство обманутости, обкраденности. Если бы не было перспектив, я не знал бы об их существовании (а значит и «не имел» бы их, ибо, что в моем сознании – то мое бытие) – не маялся бы. Кто бы не вложил эти перспективы в наше сознание – а скорее «никто», судя по тому, что они вновь и вновь «находятся» каждым поколением – это причина маеты. Ну а если серьезно, то мы же сами устроены так, что одной частью самосознания полагаем запредельное, где каждое «я» есть творец, бог, другой же частью самосознания, находящейся в контакте с окружением-выживанием, все, что мы сделали – трезво рассудочно определяем, исчисляем и взвешиваем. В итоге – постоянно длящееся напряжение между обеими нашими половинками – маета.

Маета – экзистенциальное, комплексное чувство, имеющее сложную композицию. Это и не мудрено, учитывая ее антропологическую природу, укорененность в глубинах нашего естества. Потому-то и просто, понятно каждому, когда говорят: «он мается». Однако спросите того горемыку или себя: «что такое маета?» и поймете, что так сразу, навскид, и не ответишь. Лишь призадумавшись, можно постепенно начать выуживать из себя слова, характеризующие маету. И будет этих слов предостаточно. И каждое из них являет одну из граней маетного состояния, которые лишь вкупе складывают ее мозаику. Попробуем и мы сложить мозаику маеты.